

Юбилеи

Дипломат

*К 75-летию со дня рождения президента
Международного Центра Рерихов
Юлия Михайловича Воронцова*

*Блаженны миротворцы;
яко тии сынами Божиими нарекутся.
Мф 5; 9*

Судьба человека, юбилейную дату рождения которого мы сегодня отмечаем, — судьба дипломата, прошедшего назначения Чрезвычайного и Полномочного посла СССР, а со временем Российской Федерации во Франции, США, Индии, постоянного представителя в Нью-Йорке при ООН, постпреда в Совете Безопасности ООН. Он был первым заместителем министра иностранных дел Советского Союза и в этом ранге возглавлял советское посольство в Афганистане, его дипломатическими усилиями был осуществлен вывод советских войск из этой страны без единой потери. Позже Совет Безопасности ООН назначил его координатором высокого ранга в вопросах, возникших между Ираком и Кувейтом. Ныне Ю.М. Воронцов — представитель Генерального секретаря ООН по странам СНГ, Президент Международного Центра Рерихов.

С.Н. Рерих, премьер-министр СССР А.Н. Косыгин, Ю.М. Воронцов, Б.Т. Бацанов. Индия, 1977

Если посмотреть на биографию Юлия Михайловича Воронцова, начиная с детских лет, то ее отличает удивительная цельность: будто Некто ведающий линиями наших жизней изначально решил — этот человек от рождения должен продолжить и развить линию жизни своего отца. Юлию Михайловичу оставалось только одно — в каждую дверь Судьбы, которая открывалась перед ним, входить без вопросов и сомнений и выполнять свой долг.

Юлий Воронцов родился 7 октября 1929 года в семье военного моряка. Вся жизнь его отца, Михаила Воронцова, была отдана флоту, и семья многие годы кочевала по военно-морским базам.

Соответственно и сын Воронцовых, как это почти всегда происходит в семьях военнослужащих, сменил не одну школу. В 1939 году отца, неожиданно для него и для всей семьи, назначили военно-морским атташе в Берлине. Он уехал в Германию один, жена и сын присоединились к нему в 1940-м. В военно-дипломатической сфере отец был полным новичком. Оказавшись внутри внешнеполитических европейских перипетий перед самым началом Второй мировой войны, он стал свидетелем и участником едва ли не самого трагического акта в драме под названием «История XX столетия». Если мерить время историческими мерками, Германия и Россия только нака-

нуне покинули поле боя в Первой мировой войне. Память о недавнем военном позоре России, идеологическая рознь обоих государств, твердо сформированное за два с лишним десятилетия после октябрьской революции политизированное «классовое» сознание — и вдруг такое назначение.

— Вы можете себе представить, что значило тогда, в сороковом году, уехать в фашистскую Германию? — делится своими воспоминаниями Юлий Михайлович. — В детских книжках печатали различные истории про мальчиков, которых немецкие фашисты, эсэсовцы бросали в тюрьмы. Мощная антифашистская пропаганда на время прервалась накануне войны, когда был заключен военно-германский договор о дружбе и ненападении. А до этого, как и после, главными нашими противниками были фашисты.

Когда в сороковом году жена военного атташе и его десятилетний сын, садясь в самолет, увидели на хвосте машины огромную свастику, настроение у Воронцовых упало, несмотря на предстоящую радость встречи с отцом. Самолет принадлежал фашистской Германии, у Советской России тогда не было международных авиалиний. В Берлине пришлось привыкать — знак свастики преследовал на каждом шагу. Так исподволь с детских лет психологическая атмосфера особой военно-дипломатической среды формировала и дисциплинировала сознание Воронцова-младшего.

Перед самой войной отец выслал семью в Советский Союз, поскольку знал дату нападения. Не только он один знал, сегодня, спустя полвека, кажется, что знал весь мир: логика поведения германского правительства в его безостановочном шествии по Европе свидетельствовала, что нашу страну не минет эта горькая чаша. Сталина предупреждал Зорге, эту дату — 22 июня — сообщал в Москву военпред в Берлине Михаил Воронцов. За месяц до начала войны он отправил семью на Родину в отпуск. Сам пересек границу 20 июня, за два дня до начала войны. Юлий Михайлович потом спрашивал отца: «Как тебя выпустили? Ведь могли уничтожить, и никто бы не узнал». «Я проезжал через боевые порядки, — отвечал отец. — Танки, пехота, все уже были выстроены на границе. Им уже, видимо, было неважно, кто едет и с какими сведениями. Они были настроены на блицкриг, уверены, что войдут в Россию, как нож в масло». Так оно поначалу и вышло: в первых числах июля гитлеровцы

заняли Минск, чуть позже был взят в блокаду Ленинград.

Двенадцатилетний подросток Юлий Воронцов застал начало Великой Отечественной войны курсантом военно-морского училища и в том же качестве встретил День Великой Победы. В послевоенную разруху и голод, когда надо было восстанавливать народное хозяйство, государство экономило на всем, и курсантский состав стали понемногу сокращать: такое количество курсантов прокормить было сложно. Так что Воронцов-младший стал человеком гражданским и окончил школу в Москве уже после войны. Шел 1947 год, страна потихоньку оправлялась от потрясения, залатывала экономические прорехи, и военные училища вновь объявили о наборе слушателей. Вроде бы дальнейшая биография записана, как на ладони, — закончить обучение и в звании военно-морского офицера продолжить путь отца. И Юлий Воронцов действительно его продолжил.

Казалось, что кто-то направил будущего выпускника школы на путь, намеченный провидением. Однажды школьный приятель сказал Воронцову, что после десятого класса намерен поступать в МГИМО, и предложил: «Пойдем вместе, МГИМО — это очень интересно!» Вот тут-то и всплыло «псевдодипломатическое», по выражению самого Юлия Михайловича, прошлое, и будущее в свете этого прошлого выглядело заманчиво. Где-то, на втором плане сознания, сохранились воспоминания детства, а среди них — память о той давней жизни в дипломатическом корпусе. Сегодняшние абитуриенты этого, на-

Ю.М. Воронцов, президент Торгово-промышленной палаты РФ Е.М. Примаков, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров

верное, самого труднодоступного вуза в стране вполне справедливо могут позавидовать своим сверстникам конца сороковых годов: как рассказывает Юлий Михайлович, тогда не было ни сумасшедших конкурсов, ни сложностей при поступлении: «пришли сдавать экзамены, сдали и вдруг оказались студентами».

Когда будущие дипломаты усаживались в первый раз на студенческую скамью, они едва ли представляли, что их ждет на выбранном поприще. За пять лет они усвоили первоначальные знания, а все остальное пришло потом. В 1952 году выпускник МГИМО Юлий Воронцов получил распределение в МИД СССР. Здесь он прослужил Отечеству сорок семь лет. Почти половину века его дипломатический путь следовал вехам нашей многотрудной истории, где было все: людское потрясение смертью Сталина, хрущевская оттепель, долгий период, который принято именовать «застойным», чехарда руководителей, последовавшая за смертью Брежнева, перестройка, договор в Беловежской Пуще и вступление России в наш непонятный околокапиталистический строй.

Юлий Михайлович Воронцов сегодня — дипломат с мировым именем, его послужного списка хватило бы на две, а то и на три человеческих жизни. Его дипломатическая закалка началась с детства, военная — с отрочества, поэтому, наверное, и в собственной стране, и в Организации Объединенных Наций, представителем которой

он становился в разных странах мира, он с неизменным успехом выполнял самые сложные поручения, требовавшие дипломатической мудрости, незаурядной психологической выносливости, трезвого рассудка, умения выжидать, примирять, сближать позиции. Но это уже отдельный разговор.

— Юлий Михайлович, дипломатия, как иногда говорят, это искусство возможного. Что вам могло стать профессионалом высокого уровня?

— Опыт и терпение. Главное для дипломата — выдержка, умение убеждать. Надо стремиться, чтобы другая сторона поняла, о чем идет речь, и увидела в этом личную выгоду. Убеждать нужно долго-долго. Долгим сидением, переговорами удавалось, между прочим, сделать совершенно фантастические вещи. Например, мы и США уничтожили целый класс самых страшных вооружений — ядерных ракет средней дальности. Средняя дальность — это пять тысяч километров, с их помощью можно разнести Европу и половину Альп. Американские ракеты могли долететь из Западной Европы до Москвы за двенадцать минут. Надо было, конечно, от всего этого избавляться. На переговорах мы нередко слышали: «Зачем вам нацеливать ракеты на Париж, чем вам Париж помешал? Вы что, хотите его уничтожить?» Конечно, было сложно. И вот в течение двух с половиной лет мы сблизили позиции настолько, что удалось подписать договор о полном уничтожении самого современного на тот момент оружия. Слава Богу, мне довелось участвовать в этом процессе, и я очень этим доволен.

Тем не менее на Земле осталось слишком много ядерного оружия. Ядерными державами стали Пакистан и Индия, они провели испытания. И после этого, между прочим, стали смотреть на многое другими глазами. Если человек один раз увидит, как действует ядерное оружие, у него кардинально меняется точка зрения на способы достижения договоренностей. Когда у нас в пятьдесят четвертом — пятьдесят пятом году были произведены ядерные испытания водородной бомбы, ко мне приезжали наши ученые. Я помню их слова: «Мы чуть не сошли с ума, когда все это увидели». Многие посидели, когда смотрели на этот разрастающийся шар. Думали, началась цепная реакция, и что ее теперь не остановить, — конец миру! Это страшно... Так что у тех, кто увидел это зрелище, меняются представления, просыпается здоровый инстинкт самосохранения.

О вкладе Ю.М. Воронцова в улучшение отношений между Россией и США американские

Ю.М. Воронцов и госсекретарь США Мадлен Олбрайт. Вашингтон, Белый дом. 1990-е гг.

Президент США Б. Клинтон и Ю.М. Воронцов. Вашингтон, Белый дом. 1990-е гг.

коллеги-профессионалы отзываются в превосходной степени. В январе 1999 года на прощальном приеме, который Юлий Михайлович устроил по случаю окончания своей посольской миссии в США, помощник Президента США по вопросам национальной безопасности Сэнди Бергер назвал его «самым авторитетным и уважаемым послом в Вашингтоне», отметив, что за «годы работы в США он нашел здесь множество друзей. В то же время он блестящий профессионал, который весьма умело отстаивал интересы своего государства».

Завершив работу Чрезвычайного и Полномочного посла России в США, Юлий Михайлович получил лично от Генерального секретаря ООН Кофи Аннана предложение занять должность специального посланника по странам СНГ.

— В чем сейчас состоит ваша работа в Совете Безопасности ООН, что его представитель должен делать?

— Прежде всего снимать конфликты, желательно превентивно, и сигнализировать по мере их возникновения Генеральному секретарю, под-

нимая по тревоге его и всех прочих. Совет Безопасности назначил меня координатором высокого уровня в вопросах, возникших в связи с оккупацией Кувейта Ираком. Иракцы вывезли из Кувейта огромное количество вещей, включая оружие. Исчезло множество художественных и музейных ценностей. Материальная сторона прецедента до сих пор не улажена, а в Ираке теперь новое правительство. Что еще печально: во время оккупации иракцы арестовали и вывезли в Ирак 605 кувейтцев. До сих пор ни одного из них в живых не найдено. 605 человек для 770-тысячного Кувейта — большая цифра.

Был еще один совершенно неожиданный и в общем-то уникальный пост, вспоминает Юлий Михайлович. В 1987 году его назначили первым заместителем министра иностранных дел СССР, и тут же он получил задание ехать в Афганистан, в Кабул, в должности посла (и одновременно первого заместителя министра иностранных дел Советского Союза), чтобы обеспечить вывод советских войск из Афганистана.

Тогда, в 1988 году, перед Юлием Михайловичем Воронцовым стояли две сложные задачи: дип-

Полномочный представитель РФ при ООН С.В. Лавров, Ю.М. Воронцов, министр иностранных дел РФ И.С. Иванов на Генеральной ассамблее ООН. Нью-Йорк. Конец 1990-х гг.

ломатически обеспечить вывод советских войск из Демократической республики Афганистан, чтобы они вернулись на Родину планомерно и без потерь; и вторая задача — не допустить афганского внутривосточного конфликта. Первая задача была полностью выполнена — Ю.М. Воронцов добился от лидеров всех моджахедских групп гарантий, что они не будут стрелять по уходящим войскам. По воспоминаниям Юлия Михайловича, переговоры в Саудовской Аравии оказались не слишком сложными: бородатые оппозиционеры чувствовали себя не в своей тарелке — до этого их общение с русскими происходило только на поле боя. Войдя в зал переговоров, моджахеды остановились в нерешительности, и будущий президент Афганистана Раббани сделал неопределенное движение рукой, желая подать ее советскому послу, но не решаясь это сделать. И тогда Воронцов протянул ему руку и крепко пожал, после чего обстановка разрядилась.

Пресечь масштабное кровопролитие в стране удалось: с падением режима Наджибуллы в 1992 году ставленнику Советского Союза позволили жить в представительстве ООН в Кабуле, почти никто из его сторонников не был репрессирован.

Удалось избежать и массового исхода беженцев из Афганистана.

В преддверии балканского кризиса Ю.М. Воронцов пытался энергично противодействовать запущенной военной машине США — позицию России о недопустимости силового разрешения конфликта он твердо излагал в контактах с Президентом Клинтонем, Госсекретарем Олбрайт, ее заместителем Тэлботом. Госпоже Госсекретарю, считавшей Милошевича «диким и страшным человеком, которого надо наказать», Воронцов сказал: «При чем тут Милошевич? Вы же накажете народ — сербов, албанцев...» Дипломатическое провидение Юлию Михайловичу не изменило: тогда, после первых ударов американской авиации, сербы не сломались, не стали ничего подписывать, мало того — начался исход беженцев. Американцы, не особенно утруждавшие себя просчетом своих последующих шагов, определенно оказались в замешательстве...

— *Юлий Михайлович, когда вы были первым заместителем министра иностранных дел, решался вопрос о получении наследия Рерихов из Индии. Вы тогда оказали МЦП большую помощь. Расскажите, как это происходило?*

— Если говорить об организации самого процесса вывоза наследия, то это было нетрудно. Единственное, что пришлось сделать, — договориться с Аэрофлотом, чтобы компания послала в Бангалор специальный самолет. Мы установили время отлета и прибытия, Людмила Васильевна Шапошникова и я вместе приехали на аэродром встречать самолет. Я решил присутствовать на тот случай, если возникнут таможенные сложности, тут мог помочь мой статус. Но сложностей не было, все заранее было оговорено, получено разрешение Совета Министров. Тогда было благожелательное отношение со стороны Советского правительства и Генерального секретаря Горбачева — в ту пору он еще не был Президентом. К Рерихам, к их наследию, к самому Святославу Николаевичу отношение также было благожелательное. Святослав Николаевич был лично знаком с Михаилом Сергеевичем, и на первом учредительном заседании при создании Советского Фонда Рерихов, в котором я принимал участие, присутствовала Раиса Максимовна Горбачева. Это был хороший период, без каких-либо посягательств на деятельность Фонда. Это потом, ког-

да власть переменилась, возникла неразбериха, начались попытки национализировать наследие Рерихов.

Люди, близко знакомые с Юлием Михайловичем, знают, что индийский период — свою первую посольскую должность — он вспоминает с особой теплотой. Для сотрудников посольства в Индии это назначение также оказалось не совсем обычным. Дело в том, что пост посла в этой стране обычно занимали выдвиненцы по партийной, а не профессиональной линии. Воронцов оказался первым профессиональным дипломатом, занимающим эту должность, и сотрудники посольства были приятно удивлены тем, что вновь назначенный посол свободно владеет английским и проводит встречи с индийскими и зарубежными представителями без переводчика. Во время беседы ему часто не требовался помощник, поскольку все тонкости дипломатии были известны Юлию Михайловичу не понаслышке.

— Вы провели в Индии несколько лет, знаете историю российско-индийских отношений. На ваш взгляд, как они складываются сейчас?

Ю.М. Воронцов и Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Штаб-квартира ООН. Нью-Йорк

Вице-президент США А. Гор и Ю.М. Воронцов. Вашингтон, Белый дом. Конец 1990-х гг.

— Сейчас пришло новое правительство, Премьер-министр Манмохан Сингх — бывший министр финансов в кабинете Индиры Ганди. Думаю, наши связи имеют хорошие перспективы и будут развиваться по восходящей.

— *Юлий Михайлович, расскажите о вашем знакомстве со Святославом Николаевичем.*

— Впервые я увидел его в 1974 году на выставке работ Николая Константиновича, которую он привез в Москву. Тогда мне не удалось с ним познакомиться, он был окружен чиновниками из Министерства культуры. Потом я оказался в Индии и обратился с просьбой к сотрудникам отдела культуры посольства, чтобы они помогли мне связаться с Рерихом и, возможно, встретиться —

там, где ему будет удобней. Согласие Святослава Николаевича было получено, и в следующий свой визит в Дели он приехал в Посольство. В его честь был устроен завтрак, мы познакомились, поговорили, а затем стали часто видеться. Он прилетал в Дели из Бангалора, звонил, мы встречались и подолгу разговаривали. Это были весьма увлекательные беседы. По большей части его интересовали нынешние дни, международная политика — ему было важно знать, что происходит в мире. Я с удовольствием рассказывал ему все, что его интересовало, со своей стороны, возвращая его в прошлое, к рассказам об экспедициях отца, и вместе мы размышляли о грядущем... Так что наши разговоры затягивались надолго.

— Где в XXI веке, с вашей точки зрения, разместятся полюса влияния?

— Речь, безусловно, идет о многополярном мире. Это ясно уже сегодня: набирают вес такие страны, как Индия и Китай. Но не стоит стремиться к положению сверхдержавы, такое лидерство очень относительно и, случись экономический кризис, в короткое время может рухнуть. Мир нужно строить по-другому, на базе взаимодействия, а не вражды. Главное — стряхнуть с ног пыль прошлого и ни в коем случае не повторять страшных ошибок ушедшего века.

— Был ли, на ваш взгляд, распад СССР неожиданностью для США?

— Полнейшей неожиданностью! Сейчас, правда, уже вышли книги, утверждающие, что это был гениальный план ЦРУ и Пентагона. На самом деле они тогда взирали на происходящее с таким же удивлением, как и мы. Так же ошибочно, на мой взгляд, американцы считают, что однозначно выиграли холодную войну. Из холодной войны мы вышли сами, и выиграл от этого весь мир. Какой смысл в этой ситуации говорить о победителях и побежденных? После Карибского кризиса тоже было впечатление, что Хрущев, возвратив с Кубы ракеты, уступил и проиграл противостояние. Но разрешение опаснейшего конфликта опять же пошло на пользу обеим странам.

— Как вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в нашей стране?

— Ситуация нездоровая. У нас сложился организованный капитализм, который существует на Западе. Там основы этого строя заложены и выношены многими десятилетиями, мы же пока ищем свой путь.

— Капитализм, на ваш взгляд, приемлем для России?

— В России уже был капитализм, очень недолго, но был. И между прочим, развивался быстро и успешно. Первая мировая война остановила это развитие. Если предположить, что мы хотим жить при капитализме, надо переходить на другие принципы отношений, более упорядоченные, узаконенные, и прекратить вырывать собственность друг у друга. В США вся страна «накрыта» законодательной сетью, и на-

рушать правила, установленные ею, никому не позволено, за это следует расплата по закону. У нас такой расплаты на правовом уровне пока нет.

— Существует мнение, что у России есть свой путь, его особенность — в развитии внутреннего мира человека, и культура — главная опора в этом процессе.

— Одна культура тут не поможет. Проблему надо решать комплексно. Человеку надо есть, надо кормить семью. Творческие люди сегодня зачастую находятся в бедственном положении. Нужна экономика, развитая современная экономика.

— Но если серьезную должность возглавит человек, который не берет взятки, имеет представление о культуре и ведет себя прилично, будем так говорить...

— Таких людей сегодня невероятно мало. Их надо воспитывать. Это процесс нескольких поколений.

— В беседах со Святославом Николаевичем вы говорили о будущем культуры. Как в связи с этим вы оцениваете деятельность, которая осуществляется Международным Центром Рерихов?

Ю.М. Воронцов с Эмиром Кувейта шейхом Джабером Аль-Ахмед Аль-Джабер Аль-Сабах. 2000-е гг.

— Безусловно, я во всем поддерживаю сотрудников Центра: надо сохранять и развивать достигнутое. Очень жаль, что продолжают нападки на Центр и на саму память Рерихов. Мы будем всячески отбивать эти атаки, будем укреплять нашу коллекцию в Музее. Отрадно, что это происходит также и с помощью меценатов, добавивших много известных полотен. Мы приложим максимум усилий, чтобы вернуть то, что нам принадлежит. Место большой коллекции, которую завещал нам Святослав Николаевич, здесь, а не в запасниках.

— *Вы не считаете, что существуют какие-то политические причины такого отношения государства к наследию Рерихов?*

— Государство само этим не занимается. Оно вообще плохо занимается культурой. Объясняют, что сейчас просто не до нее. А те, кому государство поручило развивать, сохранять, пестовать культуру, они сейчас заняты собой, своим благополучием, что самое печальное, своим карманом. Надо изъять это дело из рук людей, которые себя зарекомендовали не с лучшей стороны. Отношение к музейной культуре в России нужно менять коренным образом. Музеи у нас сохраняются только благодаря огромному энтузиазму их работников. А если бы не они? Пиотровский-старший говорил мне: «Жалко, что ушли прежние мои женщины-смотрители. Все, кто сидел в залах, — они бы никому спуска не дали, если бы кто-то на что-то покусился. А сейчас? Сидят молоденькие милиционерши, смотрят невнимательно, им бы с парнями поболтать...» Равнодушные люди музейному делу противопоказаны. Ведь ценности огромные, и культурные, и материальные. Поэтому будем всячески охранять и беречь наш Музей, пополнять его коллекцию и бороться за возвращение принадлежащего нам по праву.

— *На одной из фотографий вы вручаете Кофи Аннани Знамя Мира. При каких обстоятельствах это происходило?*

— Раз в год Кофи Аннан непременно приезжает с визитом в Россию. Очень приятный, обаятельный человек. Мы договорились, что на некоторое время отвлечем его от других дел и повстречаемся для вручения Знамени. Он дал согласие, и мы вручили ему Знамя Мира в 2000 году в резиденции Генерального секретаря ООН на Ленинских горах.

— *Юлий Михайлович, в МЦР поступило письмо от нового министра культуры, извещающее о том, что создан Комитет по организации празднования столетия Святослава Николаевича. Что делается в этом направлении?*

— Хорошо, что такой комитет создан. Потребовалось много усилий для того, чтобы президентская администрация очнулась. Комитет есть, сейчас важно, чтобы он заработал. Новый министр культуры — А.С. Соколов, пока еще мало осведомлен об особенностях музейного дела в России и его состоянии на нынешнее время. Мы договариваемся о встрече с ним, дабы обратить его внимание на необходимость подготовки к юбилею С.Н. Рериха.

— *Юлий Михайлович, каковы ваши пожелания журналу «Культура и время»?*

— Получился интересный, хороший и нужный журнал. Хотелось бы, чтобы о нем узнало больше культурных и образованных людей, а сам журнал расширялся и становился более массовым и читаемым. Думаю, со временем интерес к нему будет расти. Это не только содержательное и интересное, но это еще и очень красивое издание, что по нынешним временам ценится и привлекает читателей.

Юлий Михайлович Воронцов — из тех людей, из тех высоких профессионалов, из тех интеллигентов, которые, работая, не думают о том, что зачастую их усилиями на нашей очень маленькой планете сохраняется жизнь. Судя по всему, он не чувствует себя «вершителем судеб» и сейчас, когда по-прежнему сотрудничает в ООН и занимает нелегкий пост президента МЦР. Международному Центру Рерихов сегодня, как никогда, необходимы его терпение и настойчивость, компетентность в вопросах политики и культуры, умение взвешивать каждый жест и каждое слово и договариваться, теперь уже со своими. С иностранцами это бывает нелегко, но наверняка проще.

Дипломат Воронцов — академик Международной академии информатизации, автор многочисленных публикаций на дипломатические темы. Один из главных секретов успешной дипломатии, которым владеет Юлий Михайлович, — его умение выслушать другую сторону, вникая в позицию и аргументы оппонентов. В любой дискуссии он всегда придерживается принципа — лучше договоренности и сотрудничество, чем конфронтация. Прилагая огромные усилия для достижения глобальных целей в сфере как политики, так и культуры, он не случайно любит повторять: «Think big» — «Думай по-настоящему», «Думай о большом», «Думай глобально»...

Он много читает, — как правило, две книги параллельно, предпочитает историческую, мемуарную литературу. Сам мемуаров писать не хочет, хотя их хватило бы не на один увесистый

том. («Интереснее читать чужие...») Еще одно увлечение — дача, земля. («Есть свой клочок земли, посадить какую-нибудь вишню и смотреть, как она зацветет через год, что может быть удивительнее?!»)

Недавно в Министерстве иностранных дел РФ чествовали старейшин отечественной дипломатии — Олега Трояновского, Анатолия Добрынина, Бориса Колоколова. Среди приглашенных был и Юрий Воронцов. Тогда много было сказано об эпохе Трояновского, эпохе Добрынина. Сегодня, пожалуй, уместно говорить и об эпохе Воронцова, занимавшего самые ответственные и ключевые посты. «Блаженны миротворцы...» Юлий Михайлович Воронцов относится именно к этой категории живущих на Земле, иначе разве вручил бы ему Патриарх Московский и Всея Руси орден Русской Православной Церкви за работу за гра-

ницей и помощь РПЦ? Разве отметила бы его заслуги перед человечеством еще одной церковной наградой Американская Православная Церковь?

Наград Родины у Юлия Михайловича предостаточно, причем самых высоких. В самом начале 1980-х, служа в Дели, он был удостоен высочайшей награды тех лет, ордена Ленина. Его дипломатический труд отмечен орденами Октябрьской революции, Трудового Красного знамени (их у него два), «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III степени, другими знаками отличия. Юлий Михайлович Воронцов перечисляет их скупно, для него это только «парадная» часть биографии, но в самой глубине слышна спокойная радость исполняющего свой долг труженика, чьи усилия приносят плоды, достойные Российской Державы.

Ксения Семенова

Ю.М. Воронцов открывает Международную научную конференцию «Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века». Музей имени Н.К. Рериха. Москва. 2003

«Моя душа жила в Египте...»

М.М. Потапову — 100 лет

С выдающимся живописцем XX века, человеком удивительной судьбы Михаилом Михайловичем Потаповым я виделся в апреле сего года, и первое, что сказал мастер, было то, что через два месяца ему исполнится 100 лет.

М.М. Потапов родился 10 июня (по старому стилю) 1904 года в Варшаве в дворянской семье. Его отец Михаил Иванович Потапов, генерал медицинской службы русской армии, был человеком одаренным, свою работу сочетал с преподаванием в университете на медицинском факультете, хорошо играл на скрипке, обладал красивым голосом, любил поэзию. Мать Миши, Мария Ивановна, урожденная Слюсаренко, была дочерью кузнеца с Полтавщины. Сам Михаил Михайлович считает, что его род идет от мастера Петра Потапова, который построил в XVII веке храм Покрова Пресвятой Богородицы на Покровке в Москве. В честь знаменитого мастера был назван Потаповский переулок, который одной стороной выходит на Покровку, другой упирается в Архангельский переулок.

Пяти лет от роду мальчик потерял отца, и семья жила на пенсию, которую назначило военное ведомство. Марии Ивановне стало трудно снимать жилье и содержать четырех сыновей (Миша был самым младшим), и она с детьми переезжает к родственникам на Украину в город Черкассы. В 1913 году Потапов поступает в гимназию и увлекается рисованием и изучением истории и культуры Древнего Востока. Когда гимназист впервые открыл учебник по Древнему Египту, очарование от увиденного и притяжение к нему было столь велико, что возникла полная уверенность, что он когда-то это видел и знал: «Господи, да когда же я мог это видеть? Где?»¹ Впечатление собственного присутствия в древней стране было настолько образным и сильным, что Михаил подумал, что сходит с ума. Успокоила его знакомая мамы, которая занималась теософией: «Мишенька, не бойся. Раз ты отлично учишься, значит, ты нормальный мальчик. А то, что ты пережил, увидев иллюстрации, как я полагаю, означает, что когда-то, тысячи лет назад, твоя душа жила в Древнем Египте. И, очевидно, события той жизни были столь тяжелыми, может быть, трагическими, что глубоко врезались в твою память, и достаточно было увидеть картинки по Египту, как из глубины подсознания всплыло смутное воспоминание о прошлой жизни...»² Особенно сильно волновал Михаила фараон Эхнатон, его семья, время его правления. Он мечтал стать египтологом, изучал работы американского исследователя Брэдста, Б.А. Тураева, труды немецких, английских, французских египтологов. Наряду с литературой по Древнему Египту знакомился с трудами по теософии.

Революция 1917 года изменила жизнь юноши. Гимназию Михаил заканчивает в 1922 году в Севастополе. О продолжении образования ему, сыну царского генерала, нечего было и думать. Он устраивается на работу ради куска хлеба. Сначала чертежником, потом лаборантом. Умение рисовать не раз выручало Потапова в тяжелейших жизненных ситуациях. В 1929 году товарищ по гимназии приглашает его в Ленинград, и академик Струве, увидев акварели художни-

¹ Потапов М.М. Египтянин. Екатеринбург, 1998. С. 34.

² Там же. С. 35.

Михаил Михайлович Потанов

*Портрет Эхнатона,
восторжествовавшего над жрецами. 1968*

ка, посвященные Древнему Египту, помогает ему устроиться в египетский отдел Эрмитажа практикантом. В 1930 году Михаилу пришлось вернуться в Севастополь для прохождения воинской службы. Болезнь легких дала освобождение от армии, однако врачи запретили ему возвращаться в Ленинград, климат которого был для него губителен. В 1932 году Михаил Потапов по приглашению одного из друзей переезжает в Москву и устраивается художником в Дарвиновский музей, где работал до 1935 года. Осенью этого года Потапов был арестован по доносу. Его обвинили в КРД — контрреволюционной деятельности. Сказалось увлечение теософией, философией индийских йогов, культурой Востока. «Мне приписывали, что я один из организаторов подпольного Союза Христианской Молодежи, — вспоминает Потапов. — На это я откровенно заявил: простите, первый раз слышу о нем... “Нам известно, что вы говорили, будто Советская власть — власть Антихриста. Что вы на это скажете?” И я сказал: меня удивляет ваш вопрос. Коль вы боретесь со Христом, так кто же вы? Антихристиане...»³

В лагерях, куда М.М. Потапов был отправлен за № 53438, было несколько моментов, когда его жизнь висела на волоске, но всегда выручало искусство живописи. «Перевели нас в пересыльную тюрьму в Медвежьегорске. Лето. Все на свежем воздухе, а я лежу на нарах. Подходит начальник пересылки:

- Что валяешься? Пошел бы на солнце.
- Зачем? Ведь вы везете нас в Загбаловку!
- Верно. А кто ты такой?
- Художник.
- Портрет мой сделаешь?

Через полчаса портрет готов. Он ушел. Вскоре возвращается.

— Вот что, собирайся. Пойдем в амбулаторию. Я показал твою работу врачу, он тоже хочет, чтобы ты сделал его портрет. За это получишь справку о том, что по этапу следовать не можешь...»⁴

В 1940 году после освобождения Михаил едет к родственникам в Крым, где и встречает Великую Отечественную войну. В годы оккупации началось серьезное увлечение иконописью. Увлечение переходит в профессию, которой он посвятил более 30 лет. Художник работает в особой византийской традиции XII века. В 1945 году ему дают чин дьякона православной церкви, он расписывает церковь в селе Мукачево на Западной Украине, главный храм мужского монастыря в Одессе, выполняет другие церковные заказы. В 1954 году патриарх Алексей предложил отцу Ми-

Портрет царицы Нефертити в профиль. 1983

хаилу расписать в Загорске собор духовной академии, а также возглавить при Лавре иконописную мастерскую. Жалованье было 450 рублей плюс процент от стоимости заказов. Но случилось так, что у Михаила Михайловича вдруг резко ухудшилось зрение. Это произошло уже во второй раз. После первого раза лечащий врач Потапова из одесской больницы сказал ему, что специфика потери зрения индивидуальна, требует постоянного наблюдения и что если это случится еще раз, чтобы он обращался только к нему, если не хочет потерять зрение. Мастер сказал об этом патриарху. «Но наши врачи не хуже», — ответил тот. Потапов настаивал. Этот конфликт вызвал неудовольствие Владыки, и после отъезда Михаилу Михайловичу было трудно получить новый заказ. В «дар» ему была назначена пенсия в 45 рублей. И все же усилия иконописца были замечены и оценены — Патриарх Александрийской церкви Николай VI, увидев в 1980 году ви-

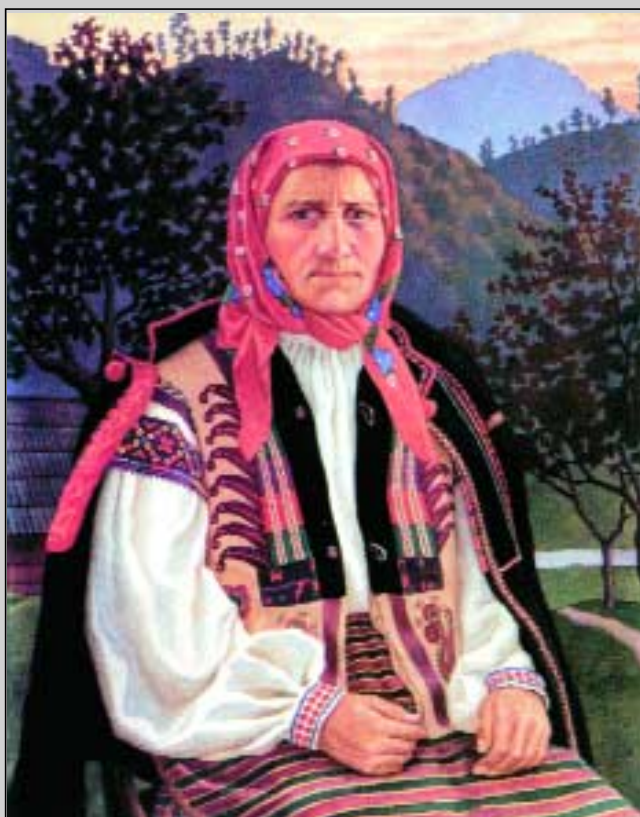
³ Потапов М.М. Египтянин. С. 19.

⁴ Там же. С. 21.

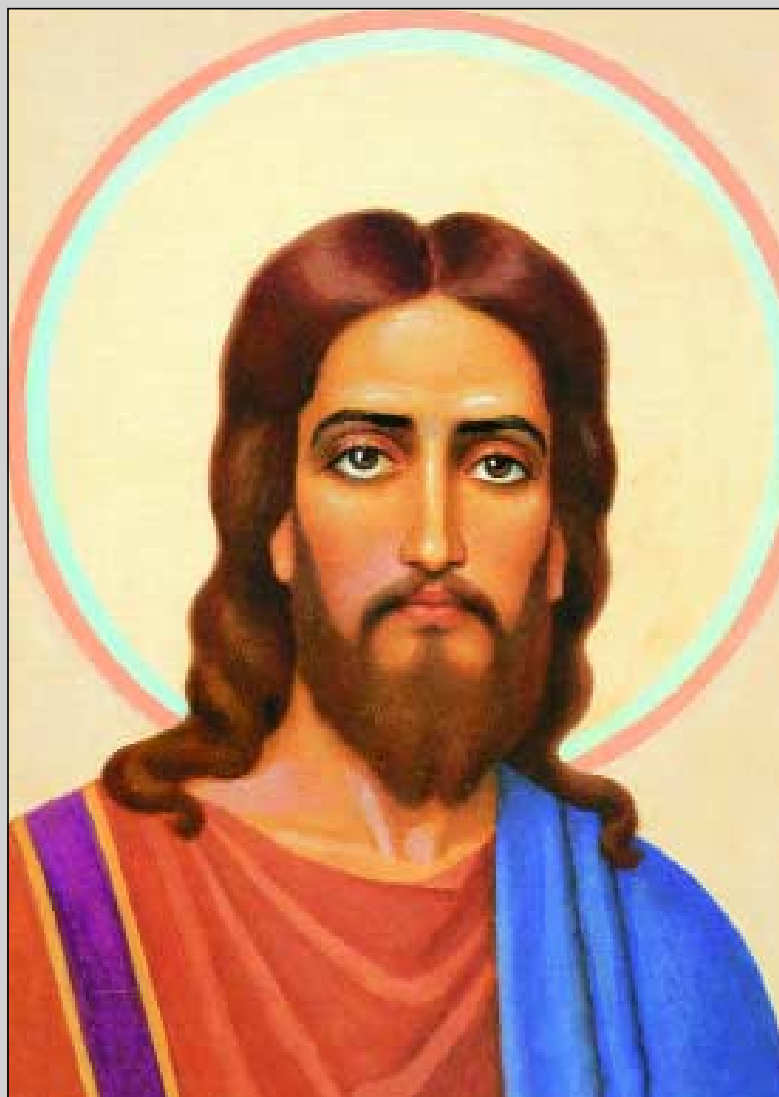

зантийскую стенопись Одесского монастыря, пришел в восторг и наградил художника орденом Святого Марка. В 1981 году Соликамский краеведческий музей закупает у М.М. Потапова цикл картин, посвященных Древнему Египту. Его приглашают переехать в Соликамск, предоставляют двухкомнатную квартиру, о нем начинают говорить, его снимают на телевидении. Благодаря своим прекрасным работам, посвященным Древнему Египту, мастер был приглашен в Египет и в Германию (отделом древнего Египта Берлинского музея), где воочию увидел то, о чем с таким вдохновением и мастерством рассказывал всю жизнь своими полотнами.

Портреты и жанровые сцены, посвященные Древнему Египту, поражают и очаровывают зрителей. Поражают своей экспрессией, чистым цветом, правдой. Человек остается один на один с историей, с которой снят налет тысячелетий, она вдруг неожиданно ожила и заговорила. Чарующая притягательность этих работ в том, что их сотворил великий мастер, который знает тему не только снаружи — по книгам и экспонатам, но и изнутри — художник заново пережил и осмыслил данные ему откровения и донес их до зрителя в великой чистоте и глубине. Его «Эхнатону» нельзя спутать ни с одной из ныне существующих работ по египетской теме, картины Потапова запоминаются раз и навсегда, завоевывают свое законное место в сердцах зрителей. Худож-

Портрет закарпатской крестьянки. 1948

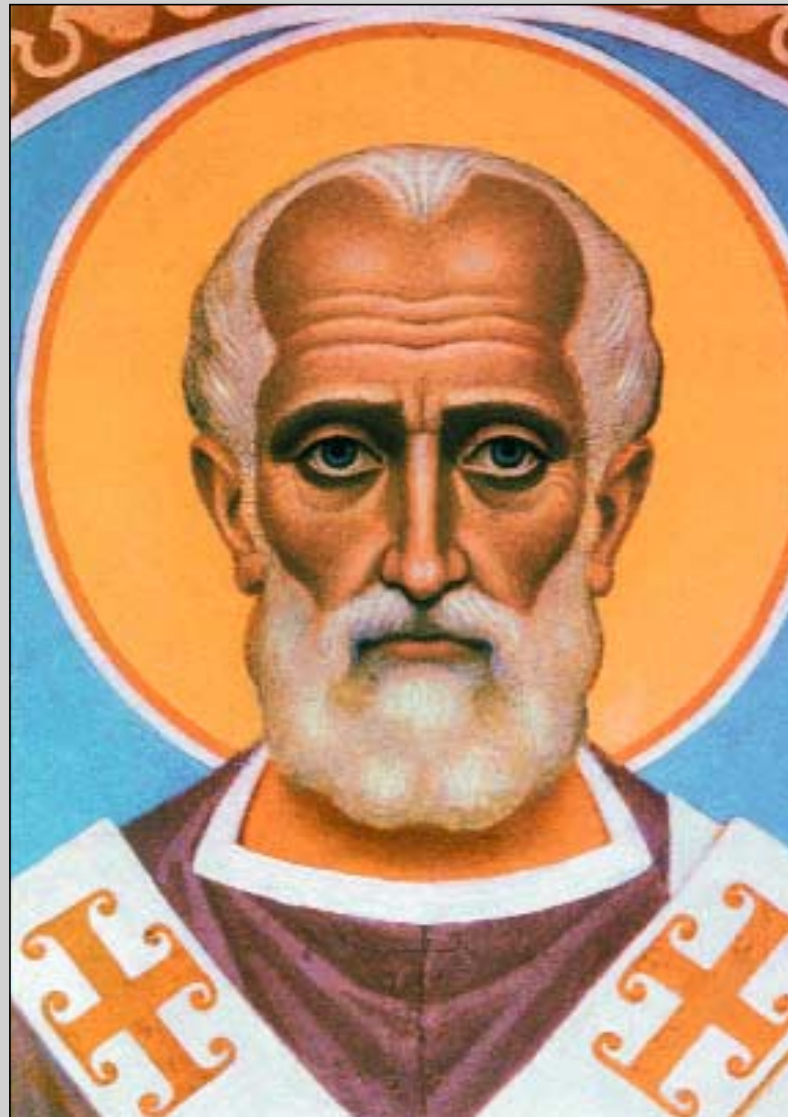
Иисус Христос. Б/д

ник рисует фараона Аменхотепа III и его супругу царицу Тэю, фараона Тутанхамона... Изображенные на картинах персонажи — не только верховные властители мощного государства, о чем свидетельствуют символы и знаки, убранство одежды, но это личности со своими характерами, богатым внутренним миром. Особенно много картин посвящено любимому фараону Эхнатону, его супруге царице Нефертити, их дочерям. Эхнатон в молодости, затем со знаками державной власти, возносящий молитву Атону, с семьей, на колеснице, в последние годы жизни. Серия портретов, посвященных фараону Эхнатону, позволяет проследить, как менялась жизнь этого правителя и как менялся он сам. В портретной живописи это редкое явление. Интересно, что юный Эхнатон изображен на светлом, почти белом фоне, портрет державного фараона — на голубом, а портрет в последние годы жизни дан на лиловом фоне. Лиловый цвет является символом максимального напряжения (вспомним картину Н.К. Рериха «Чантанг»). Из истории мы

знаем о трагическом конце этого великого человека. Если символы одежды, украшений, скипетра власти, колористика цветного орнамента определяются историческими изысканиями, то цветовой фон целиком определяет сам мастер. Мастерство Потапова состоит в том, что, не нарушая древнеегипетского канона изображения, он переносит зрителя в реальное историческое прошлое, опираясь на мистический способ познания с помощью углубленного ассоциативного размышления и прозрения. Это роднит М.М. Потапова с Н.К. и С.Н. Рерихами, у которых этот вид познания был еще более развит.

Особо хочется сказать о христианских сюжетах Потапова. Здесь художника интересовали два периода. Это раннехристианские изображения, датируемые I—III веками, когда изображения Христа и апостолов были максимально приближены к оригиналам. И стиль византийских фресок XII века — времени расцвета византийской живописи. Храмовые сюжеты росписей брались в основном из книги В. Лазарева «История византийской живописи». Художник кропотливо изучал богатый материал. Стенопись в Мукачевской архиерейской церкви называют мукачевским чудом, райским видением. Здесь красота и изящество форм состязаются с гармонией цвета. Изображения святых и апостолов, написанных маслом, потрясают психологической глубиной и правдивостью. Нельзя не сказать об одном удивительном совпадении. Портрет Христа написан Потаповым не в каноническом церковном стиле, а на основании изучения раннехристианских изображений. Лик Спасителя окружает трехцветная аура. Если мы сравним это изображение с картиной Н.К. Рериха «Христос» и картиной С.Н. Рериха «Господом твоим», то обнаружатся поразительные факты: все три художника дали трехцветное изображение ауры — желтый, голубой и розовый, созвучны даже оттенки цвета. А ведь Потапов не знал о произведениях Рерихов, не был знаком с ними и работал в другой технике. Это еще раз подтверждает, что источник мистического постижения художественного образа у них был единым.

Михаил Потапов — мастер графического и живописного портрета. К лучшим его графическим работам относятся портрет И. Бодюла (1944), портрет соликамского школьника Дениса Разжигаяева (1988). Тонко передан внутренний мир персонажа, сюжетный замысел художника не выступает на первый план, подчиняясь игре цвета и света. Выразительны живописные работы Потапова, портреты закарпатской крестьянки (1948), поэтессы Величковской (1985) психологически выверены, сюжетно напряжены, красочны.

Николай Чудотворец (фрагмент). Б/д

Пейзажи Потапова выполнены в основном маслом. Ностальгический «Закат солнца над Севастопольским рейдом» написан в 1982 году, по всей видимости, по памяти. Низкое солнце, золотая дорожка на море, лучезарное гаснущее небо... У Потапова нет проходных работ. Интересны рисунки, сделанные автором в Дарвиновском музее, работы для театра — художественное оформление постановок в лагерном театре, эскизы к опере Д. Верди «Аида». Много чудесных открытий предстоит сделать исследователям творчества М.М. Потапова, «египтянина» и энциклопедиста, человека универсальной культуры, уникального художественного дарования и поразительного творческого долголетия.

Мы поздравляем юбиляра с выдающейся датой и желаем Вам, дорогой Михаил Михайлович, здоровья, радости, любви и до конца нести свет знания и подвига.

С.А. Калёнков